

УДК 1:33

Кризис культурного капитала «финансовой цивилизации» и перспективы его преодоления

Т. П. Глушко, кандидат философских наук, доцент

В предложенной статье представлен структурно-логический анализ культурного капитала современной «финансовой цивилизации» и продемонстрировано влияние его развития на финансовый кризис. Автор предлагает осмыслить сущностные процессы современности в экономической сфере сквозь призму таких понятий как финансизм, консюмеризм, хрематистика, симулякры и «общество риска». Речь идет также об актуальности осознания необходимости трансформации мировоззренческих оснований современной глобально ориентированной экономической системы. В качестве одного из основных выводов предложена разработка социально-креативных программ синтеза экономических принципов Модерна и Постмодерна в целях более эффективного развития культурного капитала современности.

Ключевые слова: культурный капитал, финансовая цивилизация, «золотой миллиард», неолиберализм, глобализация, финансизм, хрематистика, симулякр, «общество риска», национальная экономика.

The Cultural Capital Crisis in «Financial Civilization» Conditions and Its Overcoming Prospects

T. P. Glushko, PhD in Philosophy, Associate Professor

The proposed article presents a structural-logical analysis of the cultural capital of modern «financial civilization» and demonstrates the impact of its development in the financial crisis conditions. The author proposes to comprehend the essential processes in the economic sphere of modernity, in the context of such concepts as a finansizm, consumerism, chrematistics, simulacrums and «risk society». It is also deals with a relevance to the awareness of the necessity to transform the worldview foundations of modern globally oriented economic system. As one of the main conclusions here is proposed the development of social-creative programs by synthesis of the Modern and Postmodern economic principles in the aim of the cultural capital of modernity more effective development.

Keywords: cultural capital, financial civilization, «golden billion», neoliberalism, globalization, finansizm, chrematistics, simulacrum, «risk society», national economic.

Мы живем в эпоху, которая владеет всем, но только не собою.

Х. Ортега-и-Гассет

Характерным признаком современной эпохи является оперирование понятием «капитал» не только в его марксистском понимании, но и в более широком, феноменологическом ключе. Сегодня мы оперируем представлениями о таких нематериальных формах капитала, как капитал интеллектуальный, социальный или культурный. Так, понятие культурного капитала впервые сформулировал французский социолог П. Бурдьё, в работах которого речь идет о том, что «культурная компетенция во всех ее формах конституируется как культурный капитал» [4, с. 244].

Соответственно, если рассматривать культурный капитал применительно к отдельному человеку как своеобразный вид богатства, институционализированного посредством знаний и компетенций, которые, в свою очередь, узаконивают определенный общественный статус или властные

полномочия, то применительно к обществу в целом продуктивность культурного капитала стоит, на наш взгляд, оценивать с позиций степени эффективности его применения для дальнейшего самовоспроизведения социальной системы. Учитывая, что в структуре ценностных установок экономической культуры современной «финансовой цивилизации» [8] преобладает консюмеризм и соответствующий ему культ финансов, вопрос относительно культурной компетентности в сфере формирования конструктивных направлений развития отдельных обществ и цивилизации в целом остается открытым.

В современных условиях логика развития социально-экономических процессов финансовой цивилизации приобрела деструктивный характер и для окружающей среды, и для гармоничного развития личности. Поэтому одним из наиболее

* Докторант кафедры философии Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова (Киев).

актуальных вопросов современности является, на наш взгляд, проблема осмысления возможных альтернатив «финансовой цивилизации» в направлении разработки конструктивных потенциалов развития ее культурного капитала. Свидетельством дефицита таких разработок являются многочисленные кризисные процессы — экологические, демографические, сугубо экономические и др. Именно поэтому стоит говорить о кризисе культурного капитала, который в социально-экономическом контексте репрезентирует систему навыков формирования эффективных стратегий социально-экономического развития как отдельных обществ, так и цивилизации в целом.

В условиях доминирования «рах есономісана», когда «экономика... начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как доминирующая система управления обществом... становясь, по сути, новой властной системой координат» [14], стоит в первую очередь вспомнить, что финансы — это всего лишь часть экономической системы, а не вся экономика как таковая. К тому же часть вторичная, являющаяся результатом не только производственных процессов, но и интеллектуального капитала человека, поскольку представляет собой «превращенную форму сознания» [11]. Тогда как финансовая составляющая экономики играет сегодня ведущую роль в мировой экономической системе, что во многом определяет стратегию и специфику тех социально-экономических процессов, которые мы наблюдаем, в том числе и финансово-экономический кризис.

Финансы как фрагмент системы, в контексте логики развития современной цивилизации, подчинили себе экономику как на уровне отдельных государств, так и на уровне глобальном. Таким образом, произошла своеобразная виртуализация экономической реальности, деформация ее онтологического статуса. Продуцирование консюмеризма формирует ситуацию, когда именно финансовая составляющая экономических процессов приобретает несомненный онтологический статус и пронизывает все сферы социального бытия.

Источником подобного мировоззрения мы вполне обоснованно можем считать протестантскую этику, заложившую основы капитализма. Именно этот социальный феномен спровоцировал впоследствии формирование таких стереотипов экономического поведения, согласно которым основной целью человеческой жизни является накопление материального капитала. Кристаллизация подобного подхода к экономическому поведению индивида способствовала тому, что в эпоху современного финансизма материальные ценности пре-

валируют над ценностями духовными, вследствие чего духовный кризис современной цивилизации в его совокупности с финансовым создает ситуацию, которая довольно точно охарактеризована французским философом Ж. Липовецки в его работе «Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме».

В частности, речь идет о так называемом феномене «обольщения pop-stop», одной из составляющих которого является культивирование массового потребления. Поэтому стоит говорить о закреплении в массовом сознании модели «одномерного человека», человека, для которого основной акцент ставится именно на материальной составляющей реальности как если не единственной, то главенствующей. В современных условиях уже вполне правомерно говорить о новой модели такого одномерного человека — «homo consumericus» [10] и соответствующей форме контроля его поступков. А как мы знаем, именно кредитно-финансовая система как средство регуляции экономической активности современного человека стала основным катализатором экономического кризиса XXI в.

В связи с этим у нас может возникнуть закономерный вопрос: кризис финансовый и кризис экономический — тождественные ли это понятия? Если мы будем учитывать, что экономический кризис (от греч. *oikonomikē* — хозяйствование) предусматривает как минимум недостаток либо отсутствие ресурсов, то ответим на этот вопрос отрицательно — такого кризиса в глобальных масштабах пока что нет. К тому же существуют научные разработки относительно возможностей использования альтернативных ресурсов и технологий, перспективность которых уже не нуждается в дополнительных обоснованиях.

Концепция же «золотого миллиарда» ориентирована на сохранение современных мировых тенденций в развитии стратегий хозяйствования и не предусматривает возможности альтернативных социально-экономических стратегий. Поэтому демографический кризис здесь рассматривается в качестве серьезной угрозы, и речь идет о необходимости сокращения населения планеты с целью сохранить тот уровень потребления и на тех же ресурсных условиях, которые существуют сейчас. То есть вместо трансформации принципов экономического развития данная концепция предусматривает логически последовательное внедрение идеи концентрации потребительского потенциала в экономически развитых регионах мира, которые, собственно, и представлены этим миллиардом.

Подобная модель экономического поведения была проанализирована еще Аристотелем и полу-

чила название «хрематистики». Последняя, согласно древнему мыслителю, представляет собой весьма деструктивное общественное явление, поскольку не предусматривает перспектив достижения общественного блага. Хрематистика репрезентирует себя как накопление ради накопления и, по сути, выступает как проявление сугубо индивидуалистического стиля экономического мышления. Такая мировоззренческая установка формирует соответствующую модель поведения, для которой характерно отсутствие духовно-моральных ценностных ориентаций в социально-экономической среде.

Постепенно вследствие широкого распространения подобной модели экономического мышления и соответствующего ей поведения мы сталкиваемся с феноменом «цинического разума», критика которого отображена в одноименной работе П. Слотердайка. Мыслитель усматривает основания этого феномена отчасти у античных киников и прослеживает историю его трансформации до наших времен. Однако киники, несмотря на отрицание большинства социально значимых ценностей, делали акцент на необходимости ограничения человеческих потребностей и выступали за довольно скромный, временами даже аскетический способ жизни. Тогда как современная цивилизация гораздо в большей мере унаследовала позицию абсолютного гедонизма, характерную для киренаиков, восприняв при этом не самые конструктивные идеи кинизма.

Понимание идеи блага в современности опирается, таким образом, на гедонизм и хрематистику, которые являются полной противоположностью киническому способу жизни. Оба эти явления представляют собой мировоззренческие крайности, преодоление которых требует поиска и формирования принципов «среднего пути» в развитии экономической культуры современности для гармонизации материальной и духовной ее составляющих. Финансовая природа современного экономического кризиса, как уже отмечалось, побуждает к размышлениям о возможности поиска и обоснования социально-практических альтернатив современному финансизму в развитии как национальных экономик, так и мировой экономической системы в целом.

Но, как известно, поиск и обоснование более эффективных моделей экономического развития предусматривают задействование социально-креативного мышления и внедрения новаторских идей. То есть трансформация мировоззренческо-культурных оснований современной экономики, если будет осознана такая необходимость, требует постепенного внедрения и апробации не только

новаторских идей, но и новаторских образовательных программ как необходимого условия для формирования нового типа экономики. На наш взгляд, уравнивание культов финансизма и гедонизма с более продуктивными формами экономической активности позволит преодолеть и некоторые недостатки неолиберальной стратегии экономического развития, в частности доминирование хрематистики, которая в современном мире успешно репрезентирует основные черты неолиберальной экономической идеологии.

Ведь типичной чертой социально-экономической идеологии неолиберализма является безудержный рост финансового сектора [17], провоцирующий доминирование монетаристической доктрины. Как отмечает один из исследователей современного неолиберализма П. Тренор, «неолибералы рассматривают мир как метафору рынка», и «рассматривать нации как некие компании является типичным для неолиберализма» [17]. Рыночная метафора наций позволяет, по П. Тренору, воспринимать «мир как конкурирующие торговые блоки», что, в свою очередь, демонстрирует «вторжение рыночных принципов в неэкономическую сферу жизни... делая рыночной саму приватную жизнь» [17].

Мыслитель обращает внимание и на такую особенность экономического неолиберализма, как гиперболизация идеи конкурентности, так как с позиций этой экономической идеологии конкурентоспособность индивида на рынке труда является его моральным долгом перед обществом, потому что «работа рыночных структур рассматривается как этический императив, определяющий все действия человека и способный заменить все ранее существовавшие этические убеждения и ценности» [17]. То есть важнейшим элементом той экономической системы, которую поддерживает неолиберализм, является рынок, который «все дальше отходит от необходимости производства, столь важного для ранних либералов.... Фактически неолиберальный рынок настолько далек от традиционного понятия „рынка“, что для него лучше бы придумать какое-то другое слово» [17]. В целом исследователь приходит к выводу, что неолиберализм представляет собой главным образом «...превращение социальных отношений в рыночные; усиление конкуренции; ... создание „контролируемого общества“ [17]. Основной чертой экономического неолиберализма становится максимальное расширение сферы влияния рынка, и при этом «нет связи между ростом числа сделок и производством» [17].

Таким образом, в результате мы постепенно получаем рыночные отношения в отрыве от факти-

ческого производства товаров и услуг, то есть не просто хрематистику, но уже ее виртуально-симулятивную версию. Симуляционная природа неолиберальной экономики раскрывается в ее виртуализации: «Возникает автоматизированная торговля, проводимая на виртуальном рынке, — „транзакции ради транзакций“ ... стоимость транзакций играет все большую роль в неолиберальной экономике... безудержный рост финансового сектора является чисто неолиберальной чертой» [17].

В этом контексте целесообразно вспомнить и теоретическое наследие экономиста-неолиберала М. Фридмана, в частности его теорию монетаризма, которая предусматривает увеличение финансового оборота и рассматривает его в качестве основного критерия социально-экономического развития общества. Более того, согласно теории монетаризма роль государства ограничивается исключительно регулированием финансовых потоков и невмешательством в сферу рыночной экономики. Таким образом, государство не принимает участия в стабилизации социально-экономической среды общества, что приводит к определенным диссонансам в сфере социального хозяйства.

В связи с потребностью некоторых секторов социального хозяйствования в дотациях, а также неравномерностью их развития и влияния на благосостояние общества частичное присутствие протекционистской экономической политики и соответствующего социального управления является необходимой составляющей сбалансированного развития экономической системы любого общества. К тому же в значительной мере именно этот социально-практический аспект спровоцировал кризис классического экономического либерализма и продемонстрировал неэффективность сугубо рыночных механизмов для успешного развития национальных экономик.

Поэтому все больше мыслителей, в том числе и П. Тренор, настаивают на том, что о неолиберальном обществе в целом более сообразно говорить не как об «открытом обществе» классического либерализма, но как об обществе сетевом, то есть обществе, которое образовано «быстрым движением информации и глобализацией» [13]. Сеть как совокупность информационных каналов может быть структурой как открытой, так и закрытой, так как сеть — «это представление о группе индивидов, обладающих возможностью взаимной коммуникации и перемещения информации между собой... именно коммуникационная связанность является основным содержанием понятия сетей» [13].

Зависимость современных национальных экономик от глобального финансового рынка является

ся прямым следствием формирования локальных управленческих сетей в условиях глобальной информационной экономики, посредством монетаристской политики финансизма. Соответственно, возникает диссонанс между реальными секторами экономики (системами национального хозяйствования) и виртуальными, симуляционными (монетарно-финансовыми) секторами глобальной экономической системы. Этот процесс способствует формированию экономической гиперреальности Постмодерна как своеобразной переходной формы цивилизационного развития, поскольку «появление уникального глобального субъекта не привело к одновременному удалению с поля прежних игроков. Возникла эклектичная реальность, более сложная и даже парадоксальная в своих проявлениях, сочетающая яркие и характерные черты обеих систем. При этом, естественно, происходит кардинальный сдвиг в привычных способах проекции власти» [14].

Таким образом формируется трансэкономическая культура, которая является внешней по отношению к национальным экономикам структурой, но при этом пронизывает их все. Возникает мир виртуальной экономики, в котором реальная экономика производства подменяется виртуальной экономикой финансизма, базирующегося на манипуляции экономическим сознанием общества. При этом нелинейность экономического мышления, высвобождающая интеллектуальный потенциал субъектов экономической деятельности, является неоспоримым продуктивным ресурсом, прогрессивным достижением экономики Постмодерна, но основные векторы социально-практической реализации этого потенциала в контексте современной цивилизации утратили связь с морально-этическими нормами, в частности с категориальным императивом.

В связи с этой особенностью экономического мировоззрения нынешней эпохи и соответствующей ей глобально ориентированной социально-экономической практикой довольно часто возникают деструктивные последствия для большинства национальных хозяйственных систем. Соответственно, социально-экономическая специфика постмодерного общества побуждает нас к пересмотру самих принципов организации так называемого «другого модерна», который с точки зрения немецкого исследователя У. Бека представляет собой общество риска, особенно в силу возникновения дополнительных экологических и экономических угроз, которые являются побочным эффектом «продуктивной» деятельности человека.

Поскольку У. Бек позиционирует этот тип общества как «общество риска» со всеми вытекаю-

щими последствиями, с нашей точки зрения вполне целесообразно выдвинуть идею пересмотра основных принципов социально-экономического устройства современной цивилизации в направлении продуктивного синтеза постулатов национальной экономики Модерна и социально-креативных возможностей глобализирующейся экономики Постмодерна. С учетом присутствия в современном мире довольно обоснованного альтерглобалистского движения актуальность поиска таких альтернатив не вызывает особых сомнений.

К тому же неолиберальный эксперимент в постсоциалистических странах — оперирование стереотипами монетаристской экономической политики и отсутствие конструктивных идей в сфере реального экономического сектора — не уникален по своим последствиям. Так, американский исследователь неолиберальной модели экономики С. Кангас демонстрирует ее последствия на примере «чилийского экономического чуда». Делая акцент на негативных экономических и экологических последствиях реализации неолиберальной доктрины, мыслитель постулирует, что «из-за отсутствия контроля над рынком Чили превратилась в одну из самых загрязненных латиноамериканских стран» [9], разоблачая таким образом социальную деструктивность одного из главных постулатов неолиберализма — саморегуляции экономики рыночной системой. Исследователь показывает, что в целом отсутствие контроля над рынком способствует потере важных механизмов социального управления и, соответственно, нивелирует тенденции к эффективному развитию обществ.

Активное внедрение экономической политики неолиберализма с ее монетаризмом и дерегуляцией внутренних национальных рынков на уровне социальной практики приводит к ситуации, когда «разорение, долги, неравенство и эксплуатация, которые МВФ и Мировой Банк разносят по всему Третьему Миру во имя „неолиберального развития“ [9], способствуют внедрению новой волны экономического и политического тоталитаризма, против которого, по сути, выступал классический либерализм. Таким образом, национальная экономика любой страны, берущей на вооружение неолиберальную экономическую идеологию и не вырабатывающей национально ориентированной социально-экономической стратегии на основе собственного культурного капитала, обречена на непосредственную зависимость и регулируемость со стороны внешних для страны экономических (монетаристических) механизмов. Сознательный отказ от управления социально-экономическими

процессами в стране способствует возникновению симулякров «общества спектакля», в пространстве которого реальные экономические и политические процессы имитируются такими же симулякрами — «элитами». Псевдоэлита постсоциалистических пространств, не отвечающая критериям «творческого меньшинства» [16] и не являющаяся носителем культурного капитала общества, в связи со своей неспособностью генерировать социально-креативные стратегии экономического развития способствует только дальнейшему пренебрежению стратегически важными секторами национальной экономики.

В современном мире «финансовой цивилизации» экономический потенциал стран «третьего мира» в большинстве своем выполняет роль дополнительного источника ресурсов и сырья для развитых экономик. Население этих стран — если оно не ориентировано на реализацию культурного капитала нации и не является носителем всеобщей социально-экономической идеи — вынуждено работать на экономики более эффективных национально ориентированных государств с глобальными возможностями, при этом выполняя самую тяжелую работу с наиболее низким индексом оплаты. Это касается и стран современного СНГ, экономически ориентированных на своеобразную «философию торговли», которая по всем своим показателям не имеет долгосрочной перспективы. Это временная тактика финансовых спекуляций, ориентированная на максимальную прибыль для минимального процента населения.

Формирование стратегии эффективного развития национальных постсоциалистических экономик требует, таким образом, максимального задействования культурного капитала этих наций и соответствующего самоорганизационного потенциала. Собственно, к этой мысли нас подталкивает и сам принцип нелинейного мышления, утвержденный современной постнеклассической наукой. Внедрение логики нелинейного мышления с его ризомностью и соответствующим плюрализмом на уровне национального экономического мышления и является тем неоспоримым перспективным ресурсом, который позволит разработать и внедрить более креативные социально-экономические стратегии эффективного развития как национальных экономик, так и современной цивилизации как таковой.

Список цитированных источников

1. *Аристотель*. Политика / Аристотель // Соч. в 4 т. М., 1983. — Т.4. — С. 375—644.
2. *Бек, У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М., 2000.

3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. — Тула, 2013.
4. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё. — СПб., 2001.
5. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2601>. — Дата доступа: 15.08.2014.
6. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избр. произведения. — М., 1990. — С. 44—271.
7. Дебор, Г.-Э. Общество Спектакля / Г.-Э. Дебор. — М., 2000.
8. Ільїн, В. В. Фінансова цивілізація / В. В. Ільїн. — Київ, 2007.
9. Кангас, С. Чикагские мальчики и чилийское экономическое чудо / С. Кангас. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_557.html. — Дата доступа: 13.08.2014.
10. Липовецки, Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. — СПб., 2001.
11. Мамардашвили, М. К. Превращенные формы / М. К. Мамардашвили [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/mmk/forms.html>. — Дата доступа: 13.08.2014.
12. Маркузе, Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. — М., 1994.
13. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nazarchuk.com/articles/article49.html>. — Дата доступа: 13.08.2014.
14. Неклесса, А. Рах еconomicana: геоэкономическая система мироустройства / А. Неклесса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/universe/system>. — Дата доступа: 13.08.2014.
15. Слотердайк, П. Критика циничного разума / П. Слотердайк. — Київ, 2002.
16. Тойнби, А. Постижение истории: сб. / А. Тойнби. — М., 1991.
17. Тренор, П. Неолиберализм: происхождение, теория, определение / П. Тренор. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page6043.html>. — Дата доступа: 13.08.2014.
18. Фридман, М. Капитализм и свобода / М. Фридман. — М., 2006.

Дата поступления в редакцию: 10.09.2014 г.